

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

А. В. Бородина

ПРАВА ЖЕНЩИН: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС¹

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы выделить и проанализировать те основные парадигмы в российском академическом дискурсе, в рамках которых изучаются права женщин, учитывая возможности использования данных парадигм в вузовских учебных программах. На мой взгляд, наиболее отчетливо выделяются две парадигмы, которые можно условно обозначить как правовую (или философско-правовую) и феминистскую. Указанные парадигмы, безусловно, не являются исчерпывающими и гомогенными: существуют различные направления, школы, «волны», точки зрения, фреймы в рамках как одной, так и другой парадигмы. Тем не менее можно выделить некоторые общие моменты (дискурсивные смыслы), позволяющие сгруппировать существующие в российском академическом дискурсе массивы исследований, прямо либо косвенно связанных с правами женщин вышеуказанным образом. В первом случае вопрос о правах женщин рассматривается в контексте, или, по выражению С. В. Полениной, в системе прав человека². Во втором случае можно выделить несколько направлений: с одной стороны, права женщин рассматриваются в контексте развития и становления женского движения, его целей и задач³. С другой стороны, непрерывно нарастает поток феминистских (критических) исследований в области социальной и политической теории, философии, истории, юриспруденции. В данных исследованиях права женщин упоминаются и осмысливаются с позиций существующих в обществе (обществах) гендерной системы (И. Хирдман)⁴, гендерной композиции, гендерного режима и гендерного порядка (Р. Коннелл⁵, С. Ашвин⁶), гендерных контрактов (А. Темкина и А. Роткирх⁷), гражданств(а) как разнообразных сочетаний / композиций гражданских и социальных прав (Н. Ювал-Дэвис)⁸ и т.д. Для рубежа двадцатого и двадцать первого веков характерно усиление внимания к правам женщин со стороны социологов: А. Темкина и Е. Здравомыслова, говоря о методологии гендерных исследований, полагают небесполезным анализировать гендерные отношения в России, включая и аспекты, связанные с правами женщин, с позиций социального конструктивизма и объединительной парадигмы⁹. Под эгидой Московского центра гендерных исследований (МЦГИ) во второй половине девяностых годов прошлого века было проведено комплексное социологическое исследование по правам женщин в г. Рыбинске¹⁰. МЦГИ же предпринял проект по гендерной экспертизе законодательства (с учетом отражения в нем правового / их статуса / сов женщин)¹¹, в том числе и законодательства о репродуктивных и трудовых правах женщин¹². Марина Либоракина, совместно с женской организацией «Фемина» (Набережные Челны), в рамках программы «Защита прав женщин в ходе приватизации» провела исследование о нарушениях социально-экономических прав женщин и

злоупотреблениях ими в процессе приватизации¹³. Социологические исследования, направленные на изучение гендерного климата и прав девушек / женщин в университетской среде, проводятся также сотрудниками Тверского центра женской истории и гендерных исследований.

ПРАВОВАЯ (ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ) ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН

Для данной парадигмы характерно рассмотрение прав женщин в системе прав человека либо относительно этой системы. По мнению С. Полениной, «проблема прав женщин является неотъемлемой составляющей проблематики прав человека как одного из важнейших достижений цивилизации»¹⁴. Так сложилось, что вопрос о правах человека лишь относительно недавно институционализировался как особая область научно-практического знания и учебная дисциплина в российских вузовских программах¹⁵. Как правило, ранее подобная проблематика в России не выходила за рамки юридических и философских факультетов, хотя к концу девяностых годов ситуация начала постепенно меняться¹⁶. Философские факультеты и кафедры включали в свои учебные программы доктрину естественного права, рассматривая права человека, в том числе, в контексте либеральной теории(й). Что касается юридического знания и образования, то вопрос о правах человека традиционно инкорпорировался в разделы определенных юридических дисциплин (в частности, конституционное право¹⁷, международное публичное право¹⁸, трудовое право, право социального обеспечения, включая пенсионное право)¹⁹. Права женщин в рамках указанных дисциплин затрагивались фрагментарно, за исключением, однако, двух последних из вышеперечисленных отраслей права.

В трудовом праве, регулирующем трудовые и производственные отношения граждан, целый раздел посвящался проблемам правового регулирования трудовых правоотношений отдельных групп населения, конструируемых и репрезентируемых правом как в той или иной форме / степени «недееспособных»: несовершеннолетних, различных категорий инвалидности, беременных женщин и т.п. Кроме того, как известно, существовал перечень работ, категорически запрещенных для использования женского труда. В этом смысле закрепленное конституцией право на труд становилось гендерно сегрегированным, представляя собой также разновидность негативной свободы²⁰, как свободы от работы / занятости в определенных отраслях производства. Список этих отраслей контролировался и регулировался патерналистской политикой государства²¹.

Право социального обеспечения заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку оно является наиболее «показательным» с точки зрения стратификации общества посредством конструирования и закрепления в общем дискурсе гендерных отношений различных группообразующих категорий граждан вообще²² и женщин в частности: «многодетные матери», «матери-одиночки», «беременные женщины», «женщины, находящиеся в послеродовом отпуске» и т.д.²³ При этом все кажущееся разнообразие непосредственно сформулированных в текстах законов и производных от них (в подзаконных актах) категорий женщин «произрастает» из общего, также сконструированного основания: «женщина-мать», «материнство», «семья».

Таким образом, закрепленное и регулярно воспроизводимое в праве многообразие женских групповых идентичностей / гендерных контрактов / статусов²⁴ есть не что иное, как многообразие репрезентаций «материнства» как основополагающего правового (в нашем случае) конструкта. Кроме того, калейдоскопичные, или, говоря словами Розы Брайдогги²⁵, номадические / контекстуальные совокупности подобных гендерных контрактов / групповых идентичностей создают иерархию «женских» статусов, представляя собой различные уровни / формы женского гражданства (Н. Ювал-Дэвис). Подобная иерархия различных статусов «женщин» как юридических категорий, равно как и обширный массив международного законодательства о женщинах (конвенции, программы и платформы действий) вплоть до настоящего времени не учитываются в российской правовой доктрине, российских законах и судебном процессе.

ФЕМИНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН

На мой взгляд, в данной парадигме можно выделить два стратегических направления: во-первых, изучение прав женщин в контексте (истории) женского движения, его целей и задач, а во-вторых, анализ концепции(й) о правах женщин с позиций феминистской теории.

Права женщин в контексте (истории) женского движения. История женского движения и феминизма первой волны, по существу, неотделима от вопроса о правах женщин, поскольку само движение зачастую возникало вокруг требования о предоставлении женщинам определенных прав (например, суфражизм как движение за обретение²⁶ и реализацию женщинами избирательного права). Содержание вопроса о правах женщин, формулирующегося в ряде случаев и как «женский вопрос»²⁷, отнюдь не являлось и не является чем-то монолитным и неизменным, оно видоизменялось с течением времени и учетом предшествующих достижений и неудач. Однако можно попытаться выделить и некоторые общие черты. На мой взгляд, одной из таких черт является общее практически для многих феминистских текстов, а также общественных дискуссий положение, зачастую приобретавшее характер требования, о необходимости распространения на женщин существующих в обществе прав и возможностей. Отмечу, что общепринятая, отраженная и закрепленная в вузовских учебниках теория и история прав человека не работает в отношении истории обретения женщинами прав и свобод²⁸. В рамках данной теории к первому поколению прав — политическим и гражданским правам, первоначально артикулированным во французской Декларации прав человека и гражданина²⁹ и Американской конституции, — принято относить права на свободу, собственность, безопасность, сопротивление угнетению и стремление к счастью (американский вариант). Для женщин же первым поколением прав стали иные права, а именно: право на самостоятельный выбор супруга, право на образование, право на профессиональную деятельность и, конечно же, избирательное право (суфражизм), обретенное, чаще всего, значительно позже, чем другие права³⁰. Кроме того, на рубеже XIX–XX веков каталог требуемых прав для женщин пополнился репродуктивными правами, а также правом на сексуальность и свободу распоряжаться своим телом³¹. Александра Коллонтай в своих произведениях, по сути, поставила вопрос о праве женщины на реализацию

себя как полноценной и разносторонней личности — революционного деятеля, партийки, товарища («товарки»), которой присуща свободная и равноправная «товарищеская» сексуальность³².

На мой взгляд, можно выделить три общие стадии институционализации прав женщин: первая стадия — выдвижение требования о предоставлении женщинам определенных прав и свобод (или прав вообще) как составной части программы женского движения³³. Вторая стадия — вынесение вопроса о предоставлении женщинам прав в публичный дискурс (дискурс публичных дебатов), — иными словами, инкорпорирование вопроса о правах женщин в публичную сферу по Хабермасу³⁴, обсуждение его читающей публикой. Третья стадия — их легализация, или законодательное закрепление. С момента провозглашения «женского вопроса» в России решенным³⁵ дискуссии о правах женщин прекратились и возобновились лишь после перестройки, заметно активизировавшись с конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века (период становления женского движения в России). При этом акцент в дискуссиях сместился с гарантии равных прав на обеспечение равных возможностей их реализации.

Ко второму поколению прав принято относить социально-экономические права, институционализировавшиеся, в том числе, в институте права социального обеспечения. Для них характерна следующая особенность: как правило, данная группа прав (за исключением права собственности) не выдвигается женским движением. Она является следствием политики «всеобщего благосостояния» (welfare) и патерналистски ориентированной государственно-правовой системы, призванной обеспечить наиболее эффективное участие женщин в производстве, как случилось, например, в СССР³⁶. Кроме того, именно эта группа прав, как уже отмечалось выше, в наибольшей степени стратифицирует общество по признаку пола, а самих женщин — по их отношению к материнству. Кроме того, для женщин социальные права, входящие в каталог прав человека в качестве прав индивида, трансформируются в то, что называют третьим поколением прав, — коллективные права, права групп. В этом отношении позволю себе процитировать С. В. Поленину: третье поколение прав «охватывает права тех категорий граждан, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществлять общие для всех людей права и свободы и в силу этого нуждаются в определенной поддержке как со стороны государства, так и международного сообщества в целом. Круг носителей таких коллективных прав достаточно широк... Однако в эпицентре этого круга стоят женщины, поскольку они не только нуждаются в особой защите государства, так как в силу причин, прежде всего, физиологического характера не имеют равных с мужчинами возможностей осуществления общих для всех людей прав человека, но и могут быть одновременно подростками, престарелыми, инвалидами, беженцами, мигрантами, безработными и т.д., иными словами, ущемленными в реализации прав и свобод также и по этим основаниям»³⁷.

Необходимо отметить и логику развития международного дискурса о правах женщин, явившегося результатом женского движения в мировом масштабе и строящегося на международном законодательстве в этой области³⁸. Современное международное право несет в себе черты как генерализации (распространения существующего и периодически пополняемого каталога прав человека на те группы, которые ранее не имели к нему доступа, при этом

«женщины» конструируются как одна из этих групп / универсальная коллективная (групповая) категория), так и спецификации (выделения особых групповых / коллективных прав, их репрезентации в международном праве и признания за ними статуса прав человека)³⁹. Одним из примеров подобных групповых прав женщин является, скорее, не право, а негативная свобода: свобода от насилия в отношении женщин. Насилие, как правило, в данном случае, репрезентируется как обобщающая — «зонтичная» — категория, под которую подпадают его различные проявления — субкатегории, как-то: насилие в семье, торговля женщинами и их сексуальная / экономическая эксплуатация, изнасилование, сексуальное домогательство на рабочем месте, калечащие практики (клитерэктомия, калечащие операции на вульве и т.п.)⁴⁰.

Отметим, что третье поколение прав и свобод для женщин, включая международное право, прошло через те же стадии институционализации, что и первое поколение прав женщин: оно выдвигалось в процессе становления и развития женского (международного) движения, инкорпорировалось в публичный дискурс (дискурс публичных дебатов), а затем закреплялось законодательно (в законах государств — участников соответствующих международных договоров). Следует отметить, что в России ряд подобных прав и свобод, в том числе и свобода от насилия в семье, а также многие гендерные нормы международного трудового права, содержащиеся, в частности, в ратифицированных Россией конвенциях МОТ, до сих пор не прошли последней — законодательной стадии.

Права женщин и феминистские теории. Подробный анализ концепции о правах женщин с позиций современной феминистской теории, на мой взгляд, представляет собой тему для отдельной статьи. Здесь же я попытаюсь дать общую характеристику проблемы по тому основанию, которое представляется мне принципиальным: о чьих правах идет речь — существуют ли «женщины» как единая универсальная категория, которая, как уже отмечалось выше, типична для многих российских (и не только) отраслей права?

Логика либерального феминизма, по моему мнению, совпадает с вышеуказанной логикой развития международного законодательства в области прав женщин, и она же была характерна для институционализации прав женщин: с одной стороны, женщины должны обладать теми же правами, которыми уже обладают мужчины. При этом, казалось бы, достаточно законодательно уравнивать женщин в правах с мужчинами и запретить дискриминацию по половому признаку. С другой стороны, женщины, если можно так сказать, имеют право на свои особые права. Последние здесь можно рассмотреть, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, они связаны с обеспечением формально / юридически равного статуса женщин в обществе (например, социальные права, свобода от насилия): подобные права, будучи созданными «специально для женщин», призваны способствовать приобщению женщин к общему массиву прав и их более полной занятости в производстве. Во-вторых, особые права женщин могут быть связаны с их особыми опытами и практиками, которые невозможно представить в рамках и категориях «мужского» (ориентированного на мужчин) права. Об этом, в частности, пишет в своих работах Люси Иригарэ⁴¹, говоря, например, об особом состоянии, опыте, практиках девушки-девственницы (отсюда особое право на сохранение и понимание девственности), молодой женщины, беременной женщины, зрелой женщины. По мнению Иригарэ, в рамках существующей — маскулинистской — правовой системы не может быть и речи об адекватном отражении особых

опытов девушки / женщины, ибо сама система не может не воспроизводить сексистскую «мужскую» точку зрения. Кроме того, женщины, согласно аргументам Кэрол Гиллиган⁴², обладают иным голосом — голосом заботы, сочувствия, сопереживания. Применяя логику Гиллиган к юриспруденции, шведская феминистка Ханне Петерсен пишет о женском «праве ручной вязки» в отличие от общепринятого «фабричного» / стандартного / мужского⁴³. Речь идет о взаимовыручке, взаимной поддержке, заботе о других и гибкости в отношении возможных рисков, — по мнению Петерсен, «женских» черт, — которые возводятся ею в ранг правовых норм и принципов — в противоположность абстрактной справедливости и формальному равенству. Однако ни Петерсен, ни Иригарэ не отказываются все же от самой категории «права», предлагая осмыслять ее форму и содержание с позиций «женских» опытов и практик, наделяя их тем самым статусом юридических категорий.

О праве на свободу от насилия и переосмыслении основных либеральных правовых принципов и ценностей (например, свобода слова, печати) пишет американская феминистка Кэтрин МакКиннон. Она считает, что существующая система гендерных отношений изначально построена на неравенстве и угнетении женщин в силу заложенной в этой системе первичности статуса женщины как сексуального объекта мужчины (главным образом, посредством порнографии, пронизывающей всю систему гендерных отношений и лежащей в ее основе). В этом смысле, традиционный каталог прав личности не работает и не может работать для женщин, ибо он постоянно оборачивается против них: свобода слова (первая поправка к американскому Биллю о правах), в частности, защищает порнографию и порнопродукцию, гарантируя молчание женщин-жертв. Однако МакКиннон как юрист-практик все же полагает возможным задействовать ресурсы существующей правовой системы, не переопределяя ее кардинально: введение системы санкций (одной из юридических техник правовой системы) против порнографии по ее инициативе совместно с Андреа Дворкин уже имело место, например, в Канаде⁴⁴.

Цветные феминистки (Белл Хукс, Медху Мехра и др.) подвергают критике универсальность категории «женщины», предложенной «белыми феминистками среднего класса». С одной стороны, в их логике присутствует необходимость легитимации, наряду с переменной пола / гендера, и других переменных (этничности, расы) как оснований для разных совокупностей прав / правовых категорий в рамках одной и той же правовой системы. Кроме того, очень важна дискуссия о соотношении либерального международного и государственного права и права меньшинств: к последнему, как пишет М. Уолцер, зачастую относили и относят семейное и религиозное право, которое, собственно, и определяет правовой статус женщины в данном сообществе. При коллизии государственного / международного права и права меньшинств в области прав женщин конфликт, как правило, решается в пользу обычного права⁴⁵.

Медху Мехра, индийская феминистка, — одна из немногих юристок, применивших социально-конструктивистский подход к праву. Анализируя право постколониальной Индии, Мехра делает вывод: право стратифицировано в той же степени, что и само индийское общество. Мехра сравнивает многоуровневые статусы женщин в зависимости от кастовой принадлежности с юридическими категориями женщин в праве. По ее мнению, право

конструирует и закрепляет множественность иерархически организованных статусов женщин в рамках одной и той же правовой системы и, казалось бы, одной и той же правовой категории «гражданин Индии»⁴⁶.

Подобную множественность статусов в рамках одной и той же правовой системы Н. Ювал-Дэвис называет множественностью гражданств⁴⁷. Согласно российской правовой доктрине, гражданство есть устойчивая политико-правовая связь человека с государством. Рассуждая в логике Ювал-Дэвис, подобных связей множество, и их создают законы данного государства, в основе которых лежат существующие в обществе гендерные отношения и их репрезентации (в том числе, юридические). Данные связи, представляя собой разные «наборы» / совокупности прав, определяют и создают разные категории гражданства для женщин. Эти категории иерархичны, их иерархия выстраивается в соответствии с доступом к тем или иным ресурсам / социальным благам, предоставляемым патерналистской и / или националистической политикой государства, а также доступом к власти и властным механизмам (в том числе, и механизмам принятия решений) в данном государстве.

Применяя к юриспруденции логику постмодернизма о том, что «строго говоря, нельзя сказать, что “женщины” существуют»⁴⁸, можно прийти к выводу о кажущемся отсутствии «женщин» как субъекта права. Как я попыталась доказать в настоящей статье, «женщин» как единого субъекта прав (закрепленного статьей 19 Конституции РФ) действительно не существует, как не существуют и любые другие правосубъекты в отрыве от производшей / сконструировавшей их правовой системы. Однако в русле современного российского права, осмысляя его с позиций феминистских теорий и применяя социальный конструктивизм и объединительную парадигму как теоретико-методологический фрейм, можно говорить о множестве правовых статусов женщин, закрепленных соответствующими юридическими категориями. О множественности статусов и репрезентаций пишет и «классик» постмодернистского феминизма Джудит Батлер⁴⁹, а также Роза Брайдоути⁵⁰ и многие другие авторы.

Мне представляется, что наиболее оправданным и оптимальным для проведения гендерных исследований в праве и изучения прав женщин представляется социально-конструктивистский подход, позволяющий выделять множественные юридические категории «женщин» в текстах законов и устанавливать те ресурсы и технологии⁵¹, благодаря которым данные категории создаются / конструируются именно так, а не иначе. О социальном конструктивизме и объединительной парадигме как полезных методиках и техниках анализа в социальных науках много писали А. Темкина и Е. Здравомыслова⁵², к юриспруденции подобную методику впервые применила упоминавшаяся выше индийская феминистка Медху Мехра. Автор настоящей статьи провела исследование о языке юридических документов, касающихся женщин, в гендерном дискурсе, рассматривая лингвистические и дискурсивные средства как ресурс формирования гендерных категорий в праве, обуславливающих те или иные совокупности «прав женщин»⁵³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее перспективным для преподавания и изучения прав женщин в вузах России мне представляется использование обеих вышеуказанных парадигм — правовой (философско-правовой) и феминистской, говоря иными словами — феминистский критический анализ существующей правовой системы с учетом возможного использования существующих правовых норм как ресурсов для осознания и реализации женщинами своих прав, тем самым, обретения ими силы, о которой говорят и пишут феминистки⁵⁴. Одним из результативных последствий совмещения фокусов обеих парадигм является проведение гендерной экспертизы законодательства⁵⁵ (как отмечалось выше, некоторые попытки в этой области в России уже были предприняты)⁵⁶. Другим следствием становится интегрирование в вузовские программы курсов, изучающих основное русло юриспруденции, социальной теории, теории прав человека через призму гендерных отношений и с позиций феминистской критики⁵⁷.

Третье возможное следствие — осмысление действующего законодательства как возможного ресурса с целью эффективного его использования для защиты и обеспечения прав женщин, не дожидаясь радикальных реформ и коренных изменений существующих на данный момент гендерных стереотипов (отметим, само по себе осмысление законодательства с гендерных позиций может привести к снижению уровня сексизма в праве и обществе и, надеюсь, со временем способствовать его постепенному искоренению). В России некоторые шаги в данном направлении уже сделаны С. Полениной. В своих статьях, монографиях, публичных выступлениях Светлана Васильевна анализирует сложившийся на данный момент в России правовой дискурс в отношении прав женщин (то, что она называет «национальным аспектом») в контексте достижений международного права в этой области («международный аспект»)⁵⁸. Основной пафос работ Полениной заключается в необходимости привлечения международного законодательства и механизмов международной защиты прав женщин в российском праве⁵⁹, а также более эффективном использовании ресурсов самого российского права⁶⁰. Труды Полениной — первая ласточка женских исследований в праве, позволяющая к тому же успешно совмещать достижения и аргументы социологии (в том числе, социологии права), социальной теории и юриспруденции. Хочется надеяться, что настоящая статья также внесёт свой вклад в развитие гендерных исследований в праве, преподавание прав женщин в вузах и феминистскую политику «женского просвещения» — просвещения женщин в области своих прав, их реализации и защиты.

Примечания

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке Research Support Scheme (RSS), грант № 1439/2000.

² *Полина С. В.* Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М., 2000.

³ Массив исследований и работ зарубежных авторов-феминисток по указанной проблематике — осознания, артикулирования и требования прав женщин в процессе становления и развития

женского движения — огромен. Здесь же мне хотелось бы сослаться на труды российских феминисток по истории женского движения в России (см. об этом: *Успенская В. И.* Суфражизм в истории феминизма и русские феминистки // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997; *Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории: Документальные материалы. М., 1998; *Темкина А.* Женское движение второй волны: истоки, концептуализация и результаты // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. С. 664–695.

⁴ *Hirdman Y.* The gender system // Moving on: New perspective on the women's movement / Eds. by T. Andreasen et al. Aarhus univ. press, 1991. P. 208–220.

⁵ *Connell R.* Gender and power. Cambridge univ. press, 1987.

⁶ *Ashwin S.* Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. L.; N. Y.: Routledge, 2000.

⁷ *Rotkirch A., Temkina A.* Soviet gender contracts and their shifts in contemporary Russia // *Idantutkimus*. 1997. № 2. P. 6–23.

⁸ *Yuval-Davis N.* Gender and nation. L.: Sage, 1999.

⁹ См., напр.: *Здравомыслова Е., Темкина А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Обществ. науки и современность*. 1999. № 6. С. 177–185; *Здравомыслова Е.,*

Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ, 1997. С. 84–89; *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социс. 2000. № 11. С. 15–24; *Здравомыслова Е., Темкина А.* Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. С. 174–196.

¹⁰ Права женщин в России: Исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания: (По результатам анкетного опроса). М., 1998. Т. 1; Права женщин в России: Исследование

реальной практики их соблюдения и массового сознания: (По результатам исследования в городе Рыбинске Ярославской области). М., 1998. Т. 2.

¹¹ См. об этом: *Ершова Е., Кочкина Е., Либоракина М.* Кому нужна гендерная экспертиза? Российское законодательство нуждается в коррекции // Кто защищает женщин: Сб. материалов и

публикаций. М.: Изд-во «Аслан», 1996. С. 26–29.

¹² Статус репродуктивных прав женщин анализировала Е. Баллаева, трудовое законодательство — М. Баскакова. Феминистскую оценку статусу репродуктивных прав женщин дает и Е. Гапова (см.:

Гапова Е. Современная концепция репродуктивных прав // Проблемы конституционализма: Сб. науч. тр. Вып. 2: Гендерные вопросы в сфере права / Под ред. Е. Гаповой. Минск, 1998. С. 38–46.

¹³ См. об этом: *Либоракина М. И.* Женщины и приватизация. М., 1999.

¹⁴ *Поленина С.* Гендерная проблематика в праве: права женщин. Ч. 1: Права женщин в контексте прав человека // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. С. 606.

¹⁵ В других странах, например в странах Европейского Сообщества и США, как правило, складывалась следующая ситуация: права человека рассматривались, в первую очередь, в контексте

либеральной философии, политологии и социальной теории, оставаясь при этом также одним из важнейших разделов международного гуманитарного права и прецедентного права, предусматривавшего анализ судебных решений / казусов в области защиты прав человека в таких инстанциях, как Верховный Суд США и Европейский Суд по правам человека.

¹⁶ Во второй половине 90-х годов прошлого века — с момента институционализации социологии, политологии, социальной работы как учебных дисциплин и административных

вузовских единиц (факультетов, кафедр, центров, программ) — права человека были постепенно инкорпорированы в соответствующие учебные программы.

¹⁷ Конституционное право ограничивалось короткой декларацией принципа равенства всех советских, а затем российских граждан вне зависимости от половой принадлежности. Так, согласно

ныне действующей конституции РФ в ч. 2 ст. 19, «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола...», а ч. 3 той же статьи гласит: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». О критике эффективности применения на практике данной конституционной нормы см.: Кто защищает женщин: Сб. материалов и публикаций. М.: Изд-во «Аслан», 1996; *Поленина С.* Гендерная проблематика в праве: права женщин // Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие. Ч. 1. С. 606–634.

¹⁸ В институционализированном дискурсе международного публичного права — от учебников и сборников документов до научных конференций и научно-исследовательских учреждений, включая

головное — Институт государства и права РАН, — до недавнего времени права женщин практически отсутствовали, что неоднократно отмечала в своих выступлениях докт. юрид. наук С. Поленина, одна из немногих правоведов, непосредственно занимающихся проблематикой прав женщин как прав человека. Говоря ее словами, *«права женщин в системе прав человека никогда не являлись приоритетными»* (Поленина С. В. Гендерная проблематика в праве // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. С. 634). Отмечу, что в восьмидесятые годы вышло небольшое количество монографий по этому вопросу. Некоторые из них принадлежали перу правоведа Г. Дмитриевой (Дмитриева Г. Международная защита прав женщин. Киев, 1985). Данные монографии представляют собой обзор международных документов в области прав человека вообще, содержащих разделы о недискриминации по признаку пола, и некоторых конвенций, непосредственно посвященных женщинам (Конвенция о гражданстве замужней женщины, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и т.п.). Для вышеупомянутого обзора международного законодательства о женщинах характерна не критическая направленность и рекомендательный характер по отношению к возможному применению положений обозреваемых документов к российской практике. Кроме того, в подобных работах права женщин непременно и неизбежно шли «в одной упряжке» с правами детей. Таким образом, в дискурсе российского международного публичного права «женщины» как единая категория, будучи формально защищенными от дискриминации по половому признаку, не переставали при этом конструироваться в первую очередь как «матери».

¹⁹ Именно в вышеуказанных отраслях права говорилось (и до сих пор говорится) непосредственно о женщинах. Говоря иными словами, «женщины» (и «мужчины») как правовая /

юридическая категория присутствуют, хотя и фрагментарно, в вышеперечисленных отраслях права. Семейное право прибегало к категориям «супругов» и «родителей» как субъектов / носителей имущественных и личных неимущественных прав, а также «материнства» (начиная с Семейного кодекса 1996 года — также и «отцовства») как основной «женской» правовой категории, краеугольного камня основного массива предоставляемых «женщинам» прав. В гражданском праве в основном употреблялись категории «лиц» и «граждан». Уголовное право активно использовало категорию «беременные женщины» и производную от нее «женщина, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности». Данные категории представляли, главным образом, в двух ипостасях: в качестве особого статуса, наделенного рядом прав-привилегий на более мягкое наказание или его отсрочку, а также как отягчающее обстоятельство при квалификации ряда преступлений (например, убийства, изнасилования, нанесения тяжких телесных повреждений). Общая категория «материнство» получила в Уголовном кодексе более детализированную расшифровку: «женщина, имеющая детей от трех до пяти лет» (см. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997).

²⁰ Термин «негативная свобода» употреблен в значении, которое придает ему И. Берлин (*Берлин И.* Два понятия свободы // Четыре эссе о свободе. Лондон, 1992).

²¹ Достаточно подробный анализ российского трудового законодательства с позиции прав женщин дан в вышеупомянутой работе М. Баскаковой, выполненной в рамках проекта МЦГИ по

гендерной экспертизе законодательства (*Баскакова М. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М., 1998*).

²² Здесь необходимо отметить, что в рамках права социального обеспечения конструируются и воспроизводятся разные социальные группы. Среди них «инвалиды» и различные субкатегории

«инвалидности» — первая и вторая группы инвалидности, т.п.; «престарелые», «воины-интернационалисты» и «ветераны» (включая различные субкатегории ветеранов, в том числе войны и труда), «блокадники», «несовершеннолетние», «беженцы», «вынужденные переселенцы», «сироты» и т.п.

²³ Женщинам же, исходя из возможной одновременной принадлежности к разным вышеуказанным группам, не говоря уже о непосредственно «женских» юридических категориях

(например, вынужденная переселенка — инвалид — многодетная мать), навязываются множественные групповые идентичности и гендерные контракты (термин А. Темкиной и А. Роткирх) с государством.

²⁴ Как пишет Джудит Батлер, ссылаясь на Мишеля Фуко, «юридические системы власти сами производят субъектов, которых им предстоит впоследствии представлять» (*Батлер Дж. Гендерное*

беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 299). Развивая далее эту мысль, можно сказать, что созданные юридической системой посредством законов и кодексов гендерно маркированные юридические категории конструируют субъектов прав, предписанных этими категориями. При соблюдении ряда формальных признаков, структурирующих ту или иную правовую категорию (наличие энного количества детей, состояние беременности и т.п.), и следовании некоторым ритуалам (обращение в определенную инстанцию — собес, женскую консультацию, получение необходимых справок — своего рода сертификатов указанной категории, т.д.) женщины, соотносшие себя с этой категорией, — кажущиеся субъекты прав — получают возможность реализовать «свои» права на практике. При этом сконструировавшая данные права — и, тем самым, субъектов этих прав — юридическая система способна сама их устранить — к примеру, путем отмены определенных категорий «льготников». В указанном смысле социально-экономические права женщин, в том числе гарантированные международным законодательством, вполне «отъемлемы»: их отнимает сама юридическая система, создающая те или иные групповые категории «женщин».

²⁵ *Брайдонти Р.* Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000. С. 220–

250.

²⁶ Здесь я намеренно использую слово «обретение» вместо «предоставление» (тех или иных прав). В контексте (-тах) женского движения женщины выступали как активные деятельницы-акторы,

и мне представляется необходимым подчеркнуть самость их действий и желаемого результата.

²⁷ См. об этом, напр.: *Stites R. The women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and bolshevism, 1860–1930. Princeton univ. press, 1991.*

²⁸ Подобным образом феминистскими исследовательницами было показано, что хронологически и в содержательном плане наступившая в развитии общества эпоха Ренессанса —

Возрождения — вовсе не стала таковой для женщин. Иными словами, основное русло периодизации истории не совпадает с периодизацией женской истории.

²⁹ Декларация права женщины и гражданки Олимпии де Гуж является примером феминистской, по сути, реакции на конструирование правовым документом — Декларацией прав человека и

гражданина — совершенно конкретной юридической категории субъекта, предоставляемых данным документом прав: человека и гражданина (в мужском роде), исключаящего женщин как субъектов этих прав. Декларация Олимпии де Гуж стала наследием феминистской мысли, но никак не отразилась в то время на положении женщин в силу ее игнорирования либо осуждения депутатами Конвента.

³⁰ См. об этом тексты, принадлежащие перу Мэри Уоллстонкрафт, Абилай Адэмс и др. (Феминизм: проза, мемуары, письма. М.: Прогресс, 1992).

³¹ Об этом свидетельствуют дебаты о легализации аборт, описанные Лорой Энгельштайн в ее многочисленных статьях, а также в книге «Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России

на рубеже XIX–XX веков». (М.: Терра, 1996), а также дискуссии об отмене регламентации проституции (узаконенной системы публичных домов и контроля над женщинами посредством «желтых билетов»), подробно описанные в монографии Лори Бернстайн «Дочери Сони: Проститутки и их регламентация в имперской России» (*Bernstein L. Sonia's daughters: Prostitutes and their regulation in imperial Russia. Univ. of California press, 1995*). Среди сторонников отмены системы регламентации («аболиционистов») были многие феминистки, в том числе и Мария Покровская, открыто выступавшая публично, на съездах и перед депутатами Думы, а также на страницах редактируемого ею «Женского вестника» за предоставление женщинам права контролировать свое тело и сексуальную жизнь.

³² Эту идею можно проследить во многих постреволюционных произведениях Коллонтай: «Дорогу крылатому Эросу!», «Любовь пчел трудовых» («Василиса Малыгина», «Любовь трех

поколений», «Сестры»), «Тридцать три страницы», «Красная любовь» («Великая любовь»).

³³ В качестве «нулевой» стадии (стадии «раннего феминизма», или «протофеминизма»), в частности, предшествующей женскому движению XIX века, и феминизма первой волны можно

выделить также озвучивание проблемы положения женщин и женских прав в текстах, которые современными исследователями считаются феминистскими. К таковым относятся тексты Кристины Пизанской, Корнелия Агриппы, Модесты ди Поццо ди Форзи, Мари Лежар де Гурне, Пулена де ля Барра, упомянутых выше Абигайль Адамс и Мэри Уоллстонкрафт и др. (см. об этом: Феминизм: проза, мемуары, письма). В некотором смысле подобной стадии для второго поколения прав женщин и развития женского движения и феминизма второй волны стали тексты Симоны де Бовуар «Второй пол» (*Бовуар С. де. Второй пол. М.; СПб., 1997*) и Бетти Фридан «Загадка женственности» (*Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994*).

³⁴ *Habermas J. The emergence of the public sphere // The polity reader in cultural theory. Princeton univ. Press, 1994.*

³⁵ «Сталинская» конституция 1936 года.

³⁶ См. об этом, напр.: *Lapidus G. Sexual equality in soviet policy: a developmental perspective // Women in Russia / Ed. by Atkinson et al. Stanford univ. Press, 1977.*

³⁷ *Поленина С. Гендерная проблематика в праве: права женщин. С. 608.*

³⁸ Феминистский критический анализ международного законодательства в области прав женщин дан в работах Шарлотты Банч, Джулии Мергус, Маргарет Шулер, Флоренс Бутегва,

Ребеккой Кук и др. (см., напр.: Защищаем наши права. М.: Глас, 1996; Women's rights, human rights: International feminist perspectives / Ed. by J. Peters, A. Wolper. Routledge, 1995.

³⁹ См. об этом: *Бородина А.* Документы ООН и права женщин // Женщина. История. Общество. Тверь, 1999. Конвенция об уничтожении всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года

представляет собой один из немногих документов, синтезирующих принципы как генерализации, так и спецификации: распространение на женщин всего каталога прав человека конструируется данным документом как норма международного права и коллективное право женщин на недискриминацию по половому признаку.

⁴⁰ Вопросу об искоренении всех форм насилия в отношении женщин и юридическому разъяснению (толкованию) «насилия» как юридической «зонтичной» категории посвящен ряд

международных документов и, в первую очередь, Декларация об искоренении насилия в отношении женщин от 20 декабря 1993 года.

⁴¹ *Иригарэ Л.* Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. С. 127–135. Подобные идеи Иригарэ проходят связующей нитью через практически все ее работы, включая «Я,

ТЫ, МЫ» (“Je, Tu, Nous”).

⁴² Gilligan C. In a different voice. Harvard univ. press, 1982.

⁴³ Petersen H. Home knitted law: Norms and values in gendered rule-making. Dartmouth, 1996.

⁴⁴ См.: MacKinnon C. A. Feminism, marxism, method and the state: Toward feminist jurisprudence // Feminist legal theory: Readings in law and gender / Ed. by K. T. Bartlett, R. Kennedy. Westview press,

1991. P. 181–200.

⁴⁵ Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

⁴⁶ Mehra M. Constructing women in Indian law // *Feminist critical legal studies*. 1997. № 4. P. 31–56.

⁴⁷ Yuval-Davis N. *Gender and nation*. L.: Sage, 1999.

⁴⁸ Высказывание принадлежит Юлии Кристевой (цит. по: Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Пропилеи,

2000. С. 297).

⁴⁹ *Butler J.* Gender Trouble. Feminism and subversion of identity. Routledge, 1999.

⁵⁰ *Брайдонти Р.* Указ соч.

⁵¹ Я использую термин «технологии делания гендера», предложенный Терезой де Лауретис (*Лауретис Т. де.* Риторика насилия: Рассмотрение репрезентации и гендера // Антология гендерной

теории).

⁵² См. сноску 9.

⁵³ Исследование проводилось под эгидой Research Support Scheme, грант № 1439/2000. Собственно лингвистические результаты исследования предполагается опубликовать в рамках

отдельной статьи.

⁵⁴ См. также: *Либоракина М.* Обретение силы: российский опыт. М.: ЧеРо, 1996; *Мертус Дж.* Права женщин — права человека: Пособие для учеб. занятий. М.: Глас, 1996.

⁵⁵ В Скандинавских странах при сложившейся системе «государственного феминизма» можно говорить о феминистской экспертизе законодательства и законопроектов (см., напр.: *Ажгихина Н.*

Правнучки викингов у себя дома. М.: Эслан, 1999; Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. М.: Идея-пресс, 2000). В Казахстане гендерная экспертиза законодательства инкорпорирована в государственно-правовую систему, став формально частью государственной политики (*Шеденова Н.* Социальные проблемы женского труда в условиях рыночных отношений. Алматы: Ғылым, 1998).

⁵⁶ Речь идет о проекте гендерной экспертизы МЦГИ. В частности, были предприняты попытки провести гендерную экспертизу трудового (М. Баскакова) и репродуктивного (Е. Баллаева) права, а

также законопроекта о насилии в семье совместно с Ярославским университетом. Полагаю, что подобные исследования имеют значение не только для социологии, социальной теории и социальной работы, но и для юриспруденции как таковой. Имплементированная на государственном уровне гендерная экспертиза законопроектов могла бы способствовать сдвигам в законодательстве в сторону формального обеспечения равных возможностей и гендерно нейтрального юридического языка. Говоря другими словами, существующие на данный момент правовые категории, в силу своей не столько объективности, сколько сконструированности, гипотетически могут быть реконструированы, то есть переформулированы и переосмыслены в другом, гендерно чувствительном аспекте.

⁵⁷ Инновациям в этой области была посвящена конференция, прошедшая в Твери в июне 2000 года, результатом которой стал сборник «Интеграция гендерного подхода в преподавание

социальных и гуманитарных дисциплин». (Тверь: ТЦЖИГИ, 2000). Курс «Гендер и право» читается автором настоящей статьи в Тверском государственном университете под эгидой Тверского центра женской истории и гендерных исследований. Курсы по феминистской критике социальной теории читаются также в Саратовском государственном техническом университете (Е. Ярской-Смирновой и ее коллегами), Европейском университете в Санкт-Петербурге (программа гендерных исследований при факультете политических наук и социологии), в Ивановском государственном университете, Самарском государственном университете и ряде других российских вузов.

⁵⁸ См. напр.: *Поленина С. В.* Международная защита социальных прав женщин: (Принцип универсализма и культурного разнообразия) // *Обществ. науки и современность.* 2000. № 3. С. 172–

182; *Она же*. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М., 2000.

⁵⁹ Правовым основанием инкорпорирования норм международного права в области прав женщин в российские законы является ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

⁶⁰ Вопросы эффективного использования заложенных в российском законодательстве (трудовом, жилищном, уголовном, гражданском, семейном) ресурсов при решении проблемы

насилия в отношении женщин было посвящено выступление С. В. Полениной на международной конференции «Женщины-юристы за предупреждение и искоренение насилия в отношении женщин», которая состоялась в мае 1999 года в Москве. В данной конференции принимала участие и автор настоящей статьи.